

Воспоминания Елены Александровны Сафроновой (Мясниковой-Цветковой) написаны по моей просьбе для историко-краеведческого зала Рыбацкой библиотеки. Она не смогла учиться, потому что была дочерью «врага народа». Пережив с семьей блокаду Ленинграда, ссылку-эвакуацию, ГУЛАГ, осталась жизнерадостным добрым человеком. О блокадном детстве Елена Александровна рассказала так, как рассказала бы бабушка своим внукам о страшном. Рассказ о жизни двенадцатилетней девочки на окраине Ленинграда, в Рыбацком, где был уже фронт, внимательно слушают дети на экскурсиях. Были у людей того поколения любовь, доброта, жалость. Было святое – семья, родные, Родина. События, которые происходили в блокадную осень и зиму 1941–1942 годов, показательны – в них содержится ответ: они выстояли, потому что и ребенок, и взрослый готовы были поделиться последним кусочком дуранды, хлеба, отдать за святое даже собственную жизнь.

В. М. Глушкова

Рыбацкое в блокаду

Е. А. Сафронова (Мясникова-Цветкова)

Отец мой – Александр Сергеевич Цветков родился в Рыбацком в 1902 году. Его мать Анна Ивановна Цветкова родилась в Петербурге в 1870 году в семье купца Кузьмина. Они держали в городе мясные лавки.

Моя мама – Антонина Валериановна Цветкова, урожденная Мясникова. С чего начать мои воспоминания? Наверное, с детства. Я родилась в 1931 году, 16 февраля, в Рыбацком.

Помнится мне почему-то лето в Рыбацком. Особенно – утро. Дедушка мой, Валериан Дмитриевич Мясников, и дядя Илья Валерианович, подняв сети, идут домой с рыбой. Мой брат двоюродный, Саша, бежит по лестнице со второго этажа и кричит: «Бежим на валиках кататься!» Это значит: идет какой-нибудь пароход и будут большие волны. А пароходы назывались: «Гражданин», «Правда», «Родина». «Гражданин» был колесный.

Мы несемся по огороду на берег, плюхаемся в лодку и ждем больших волн и с удовольствием раскачиваемся на волнах.

С правого, «немецкого», берега слышен крик: «Лодку-у, лодку!» Это немки из Саратовской колонии зовут кого-нибудь из рыбацких, чтобы их перевезли на лодке на наш берег. Кто-нибудь из рыбаков плывет на тот берег и перевозит их на наш.

Немки ездили в город, развозили молоко по адресам. Всегда чистенькие, в накрахмаленных белоснежных передничках и платочках, бидоны начищены до зеркального блеска. Продав молоко, они всегда заходили к нам, пили чай, вели разговоры, а потом кто-нибудь отвозил их домой.

Валера, Коля, мама и я, Леля. 28 июня 1941 г.

Был в колонии большой пожар, и рыбацкие очень помогли в тушении пожара. Немцы были очень благодарны.

С немцами жили в дружбе, женились и выходили замуж. А в 1937 году жестоко расплачивались за свое человеческое счастье, расплачивались свободой. В 1942 году их жестоко выселили в течение 24 часов. Немцы жили зажиточно, своим хозяйством, и когда их выселяли, по всему берегу были выставлены часовые, чтобы из Рыбацкого никто туда не мог прийти и что-нибудь взять из продуктов. Ведь то была самая страшная зима 1941–1942 года. Но люди все равно, пробирались туда, немцы отдавали все, что у них было, не жалея. Многих задерживала охрана и отбирала у людей продукты.

Я помню, мама рассказывала, как в 1924 году во время наводнения ее сестра (наша тетя Зоя), а ей тогда

было 10 лет, сидела в лодке, когда поднялся ветер. Нева вздулась, и лодки оторвало от причала. Лодок было две. В одной сидела тетя Зоя, а в другой лежали сети. Лодки понесло ветром по Неве. Тетя Зоя сидела в одной лодке, держалась рукой за другую. Так ее и несло с двумя лодками, а она еще умудрилась перетянуть сети в свою лодку. Ее увидели с правого берега, а так как лодку прибило прямо к берегу, немцы ее вытащили, взяли в дом, накормили, уложили спать, а потом сообщили дедушке, и он ездил за ней.

Когда-то жителям Рыбацкого была отведена вода для ловли и поставки хорошей рыбы ко двору. А немцам была отдана земля, поэтому, соблюдая правила, ни у одного немецкого жителя не было на берегу ни плота, ни лодки.

Берег правый был крутым, зеленым, чистым. Воду они берегли, не бросали в Неву всякой всячины.

Рыбачки тоже берегли Неву, воду брали из Невы, особенно для самовара, специально выезжая на лодке на середину.

А у немцев были вырыты колодцы. Зимой вырубали проруби для воды и полоскания белья. Поила и кормила Нева. Белье полоскать возили в больших бельевых корзинах, на деревянных санях «дровешках». Вечерами катались на этих «дровешках» или на «финских» санях: с берега прямо на Неву, на лед. Взрослые и дети. Наш берег тоже был крутым, то есть высоким.

Снег чистили, каждый у своего дома до середины дороги, сосед напротив чистил также около своего дома до середины дороги. Дорога зимой всегда была чистой, ну а летом мели в таком же порядке.

Многое осталось в детской памяти. Осталась в памяти наша красавица церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Крестили в ней наших дедов, родителей и нас, теперь уже тоже бабушек. Церковь была очень красивой, было четыре прихода, наверно была по всей округности галерея.

Регентом в церкви был брат моего дедушки Иван Дмитриевич Мясников.

А мой дедушка – Валериан Дмитриевич Мясников. У него было еще два брата. Дмитрий Дмитриевич очень много сделал для Рыбачкого, в том числе в строительстве школы. В 1937 году был арестован вместе с сыном Виталием, а где умерли они, где их могилы и есть ли они – никто не знает.

Младший брат – Василий Дмитриевич. Пришел с войны в 1919 году и умер дома от холеры. С войны вернулся здоровым, не раненым. За проявленную храбрость в Первой мировой войне был дважды награжден Георгиевским крестом.

После Ивана Дмитриевича регентом хора Покровской церкви был Антон Николаевич Вындов. В Рыбачком он снимал комнату, был очень близок нашей семье.

В 1937 году его арестовали. Было от него письмо. Оно и сейчас хранится у меня. Больше от него не было никаких весточек, и где он сложил голову – неизвестно, наверно, где-нибудь в Сибири.

Войну я помню хорошо. 22 июня, утром, прибежала к нам наша тетя Рая: «Спите? Ведь война началась!»

Коля, мама, я и Валера.
Июнь 1941 г.

Да, началась война. Сначала я мало чего поняла, все спрашивала взрослых, кто такой Гитлер. Мне было всего 10 лет. Но в те тяжелые, страшные дни дети очень быстро выросли.

Вскоре по Рыбачкому проспекту в сторону города пошли беженцы. Шли сплошным потоком. Взрослые гнали скот: коров, овец. Лошадей не помню, наверно, их взяли для армии. Повозки тянули коровы, а те, у кого не было, – тянули тележки со скарбом своими силами. Старик и дети сидели на повозках, да и пешком шли. Больно было смотреть на этих людей – ведь они бежали от войны, побросав свои дома.

В Рыбачком стали копать траншеи. Окопы рыли студентки, девушки из педагогического института. Их звали Тоня и Ирина. Где они, что с ними? Дай Бог, чтобы остались живы. Огороды против нашего дома были изрыты. Нам сначала интересно было бегать там играть в траншеях, а потом было не до игр. Становилось страшно.

Хорошо помню начало сентября, наверно, это и было 8 сентября. Был страшный обстрел, бомбили. Самолеты фашистов летали, можно сказать, над домами – очень низко. И было очень страшно.

На станции «Рыбачкое» стояли цистерны с горючим. Самолет летел прямо над нами, но это так

казалось. Было видно, как от него отделились две черточки – это были бомбы. От страха я даже не слышала взрыва, а может, от маминого крика. Взорвались цистерны: все заволокло черным дымом, и такое пламя бушевало...

Осенью пришли первые солдаты. На огороде стояли танки, накрытые маскировочными сетками. Голодные, холодные, промокшие солдаты пришли с передовой. Шел мокрый снег, было темно. У дома выставили часовых. Один попросил у меня чего-нибудь поесть, а у меня ничего не было. Дома в шкафу лежал кусочек дуранды (жмыха), я отнесла ему этот кусочек, последний в доме. А мама сказала, что будут солдаты живы – значит, и мы будем жить.

На огороде дядюшка (брат папы) выкопал землянку, сначала туда бегали прятаться во время обстрела, а потом привыкли и не уходили из дома. И вот, помню, был страшный налет немецких самолетов. Строчили из пулеметов немецкие летчики. Наши зенитки стреляли по самолетам. И вспомнили про землянку. Я взяла на руки младшего Валерочку, ему было три года, Колю за руку – ему было шесть лет, да еще и не было шести. А мне-то самой всего 10 лет, ну и побежали через двор, в огород, в землянку. А самолет немецкий летел так низко, накренился на левое крыло – я думала, что снесет трубу с дома. А стрелок строчит из пулемета, или сам пилот строчил – не знаю, но я видела его лицо в шлеме и очках. А уж как мы живы остались – не знаю, наверно, Бог спас.

Зима 1941–1942 года была ужасной. Морозы стояли невероятные. Мама уйдет на работу – мы еще спим, придет с работы – мы уже спим. Однажды ее не было дома три ночи, а я ведь была дома старшей – меня и звали «маленькая мама». Папу-то арестовали еще в 1937 году, вот мама и осталась одна с нами тремя маленькими.

Пришла мамочка наша домой, спасительница наша. Оказывается, на заводе объявили казарменное положение и никого не отпускали домой. Завод военный «Большевик» – надо было принимать продукцию, а мама работала в ОТК. Вот кто-то и говорит: «А чего же вы Цветкову держите, ведь у нее трое

маленьких детей дома». Вот ее и отпустили.

Уж как мы пережили те тяжелые времена – не знаю. 1 апреля 1942 года мама почему-то была дома и послала меня за хлебом. Надо было идти в Мурзинку, так как карточки у нас были «городские», потому что мама работала на заводе «Большевик». Рыбацкое входило в Павловский район и карточки были «сельские», а на «городские» карточки хлеб не давали.

Пошла я за хлебом, мороз сильный, солнце светит – слепит глаза, кругом сугробы. Булочная была как раз напротив входа в сад «Спартак». Купила я хлеб – дали на два дня. Положила его в сетку «авоську» и пошла домой. Немного отошла от магазина и какой-то человек, через дорогу, спрашивает меня, есть ли в булочной хлеб. Я ему ответила, что есть, и пошла дальше. Пока я остановилась на минуту, пока отвечала ему, в этот момент у меня вытащили карточки из кармана. Подхожу к дому, опустила руку в карман за карточками – ведь мама сразу спросит карточки, а у меня их нет. Меня охватил ужас, ведь надо жить 10 дней до следующей декады, а как? Ведь это смерть!

Пришла домой, плачу. Она плакала, схватила ремень, не знала, что делать, кричала от горя.

На крик прибежал солдат – они жили у родственников, за стенкой и слышали все. Звали этого солдата

дядя Леша. Он успокоил меня, маму и сказал, что не дадут нам умереть. Все 10 дней солдаты часть своего пайка каждое утро приносили нам, детям. Где этот дядя Леша, что с ним, остался ли он жив, вернулся ли к своей семье или сложил на войне свою голову? Если жив – дай Бог ему здоровья, если нет – пусть земля ему будет пухом, а Господь даст ему вечную память. И вечную благодарность нашей семье. Никогда его не забуду и внукам своим накажу, чтобы поминали его добрым словом.

Помню, был один солдат, он родом из Ижоры. К нему приходила жена (это когда солдаты приходили на отдых). Так вот этого солдата звали (как бы вы думали?) Евгений Онегин. Бедный Женя, он всегда был во внеочередном наряде. Чаще всего он мыл пол в доме моей бабушки, Анны Ивановны Цветковой. На что бабушка очень сердилась, так как он много лил воды, а дом очень старый и дуло со всех щелей. А приказ солдату надо было выполнять. Наказывали его за неряшливость: то ремень висит, то ботинки грязные, то обмотки болтаются. Вот какой был солдат. Знал бы он, что его помнят столько лет и помнят только по-доброму. Весной 1942 года на берегу за школой поставили огромные военные палатки. Провели воду – горячую и холодную, устроили баню – ведь люди не мылись всю зиму, голодные, закопченные, многие вшивые. Вещи обрабатывали и отдавали после мы-

тья. Мылись все вместе: мужчины с правой стороны, женщины и дети с левой. После мытья выдавались талоны, которые предъявлялись при получении продуктовых карточек. Такую санобработку проходили все без исключения. Прошли и мы. Талон о санобработке получили, а вот карточки нам не выдали. Маме как многодетной матери предложили эвакуироваться, а если не согласится, то нас вышлют в ссылку, так как отец был осужден тройкой НКВД на 10 лет по 58 статье. Куда было ехать с тремя маленькими детьми в такое время из собственного дома? Мы остались без карточек. А как жить? Чем кормиться? Собирали разную траву, лебеду, крапиву, ходили по канавам и копали какие-то корни. Ноги не ходили. Мы стали опухать. Шел 1942 год.

Какими Божьими молитвами остались живы, не знаю.

Пришла мама к своей сестре, нашей тете Зое, и говорит, что нас выгоняют из города, а куда ехать, не знает. Солдат, квартировавший в Рыбацком, – сибиряк Степан Трыкин предложил ехать к нему на родину: «Я дам адрес моей семьи, там у меня мать, жена, ребенок и остальные родные». Седьмого июля пришла машина грузовик. Погрузились с горем пополам. Привезли нас на Финляндский вокзал: пока ждали состав, по радио объявили об увеличении нормы выдачи продуктов по карточкам – рабочим, служащим, иждивенцам и детским. Уезжать не хотелось – было обидно и тяжело. Самая страшная зима – позади, а мы ехали в неизвестность: Новосибирская область, Григорьевский район, деревня Сосновка. Ведь нигде нет ни родных, ни знакомых, все остались в Рыбацком.

Добирались до места нового жительства целый месяц: вагоны товарные – на каждой станции подходили санитары, спрашивали, нет ли покойников...

Прожили мы в Сибири неполных два года. Домой вернулись по указу министра обороны (работников завода «Большевик» возвращали на завод). Еще шла война, и, уезжая из Сибири, мы не знали, что вернемся сюда к отцу на вольное поселение еще раз, на «правах семьи врага народа». А пока нас ждал освобожденный родной Ленинград. Мы приехали домой 7 июля 1944 года.

Надпись на обороте: «Привет от сибиряков!» 9 июля 1940 г.
Дорога к будущей Братской ГЭС. Сибирь. Иркутская обл. Тайшет.
Папа стоит слева